

В дебютный сборник поэта, публициста и историка Александра Орлова «Кравотынь» вошли пятнадцать рассказов, главная тема которых — Великая Отечественная война. Часто их герои — ветераны, дети войны, родные автора, солдаты и партизаны, ждавшие и не дождавшиеся их женщины. Все они сохранили православную традицию: в рассказе «Юродивые дни» повествуется о монахе, не сло-

жившем пострига, но помогавшем людям в миру. Однако православная символика сочетается порой с описанием жесточайших военных эпизодов и связанных с ними нравственных коллизий.

Трогательные и точные, порой мистические описания природы позволяют говорить об уверенном владении автором языком и стилем всеобщее понимаемой русской литературной традиции.

Призывников первых месяцев Великой Отечественной в рассказе «Свинцовые косы» переправляли на другой берег Волги. Поднялась волна, река *«словно знала, что в последний путь провожает»*. Женщины нашли рыбака, тот отложил удилище и на лодке переправил их *«на берег расставаний»*, к железнодорожной станции. Раненую во время оборонных работ осколками девочку Томку спасает кошка: *«В крещенские морозы наша сибирская кошка запрыгнула ко мне в постель — и давай тереться об меня и урчать... До самого Благовеста я просыпалась каждое утро от нежного мурлыкания... а на Вербохлест хворь моя вся вышла»*. Героя, приехавшего в Епифань,

«влекло в хмурый Елифановский лес. Казалось, он хранит столетние тайны в своих неприкосновенных чащобах». Эти моменты не просто поэтичны. В них отчетливо явлены признаки символического реализма, православных мотивов, может быть, сравнимых с теми, что видны в рассказах и повестях Алексея Варламова.

Александр Орлов касается и неизвестных, даже сенсационных эпизодов Великой Отечественной, таких, как удивительное историческое упрямство Легиона французских добровольцев, повторившего путь Великой армии Наполеона от Смоленска до Бородина с тем же результатом в рассказе «Бородинское крещение». В этом рассказе исторические плоскости пересекаются, взгляд автора и читателя преломляется, выхватывает из пороховых дымов и кровавого тумана фигуры командира 2-го батальона лейб-гвардии Литовского полка Тимофеева, возглавившего полуроту добровольцев Гвардейского флотского экипажа мичмана Лермонтова — своего рода толстовских «капитанов Тушиных». Таких героев Бородина было много, они, честно, отважно и с умом исполняя свой долг, внесли столь же значительный вклад в исход сражения, от которого наполеоновские полчища так и не смогли оправиться, сколь и наши прославленные полководцы. Этим героям досталось мало славы, но в том, что Александр Орлов напоминает нам о них, помимо настоящего благородства автора, есть и надежда для всех нас. Надежда на память будущего поколения граждан современной России. Ощутимая помощь предков

в нашей традиции — с давних времен: накануне Невской битвы старейшина ижорян Пельгусий увидел ладью, а на ней — святых благоверных князей, и Борис сказал: *«Брат Глеб, вели грести быстрее, да поможем сроднику нашему Александру».* Возможно, герои Бородина, встав из метели, помогли остановить катившиеся к Москве танки Гудериана. Возможно, их тени снова встанут и остановят строительную технику, подбирающуюся к костям героев на Бородинском поле. И хотя те далекие берега неизбывного расставания уже почти скрыты от нас и борются с алчными спекулянтами сложнее, чем с обуянными самомнением вояками Наполеона и Гитлера, и на них, и на тех героев — вся наша надежда. На такие размышления наводит проза Александра Орлова. В этом ее подлинная актуальность.

Александр Орлов — жестче, самостоятельнее в стилевом отношении, чем иные авторы, действующие в избранных для себя рамках. Проще говоря, он сдал все свои значки-ярлычки, очевидно относящие писателя к какому-либо направлению, еще обучаясь в Литературном институте. Оставляя критикам и комментаторам след ярких цитат, легко провоцируя на известные историко-культурные реминисценции, он мощно устремляется в пространства, не регламентированные правилами литературных группировок, за красные флажки оцепления. Эта проза оптимистична, она указывает на возрождение того рода духовной деятельности, которая является исторической базой всякого иного успеха.

Сергей Шулаков, писатель, критик,
постоянный автор журналов «Москва»
и «Наш современник»